

Екатерина Степанова

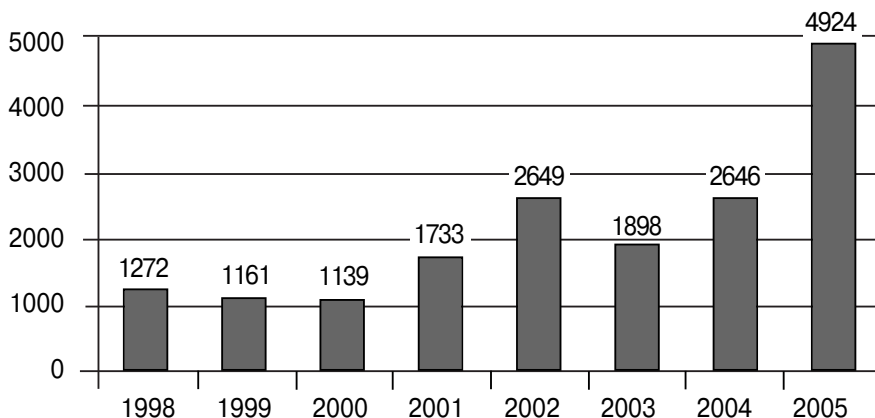
ИСЛАМИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И ЛОКАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Главной особенностью террористической активности в мире в последние два года стал ее беспрецедентный рост.

Так, общее число терактов в 2005 г. почти достигло пяти тысяч (точнее говоря: 4 924), что в полтора раза превышает число терактов в предыдущие *пиковые* годы – 2004 г. (2 646) и 2002 г. (2 649) и является абсолютным рекордом в истории терроризма.

По общему числу терактов за 2005 г. с большим отрывом лидировали два региона – **Ближний Восток и страны Персидского залива** (3 035 терактов, т. е. 62% всех терактов в мире) и **Южная Азия, включая Афганистан** (1 238 терактов, или 25% от их общего числа). Во всех остальных регионах число терактов было значительно ниже (от семи в Восточной и Центральной Азии до 247 в Западной Европе)¹.

Рис. 1. Число терактов в мире (1998 – 2005 гг.)

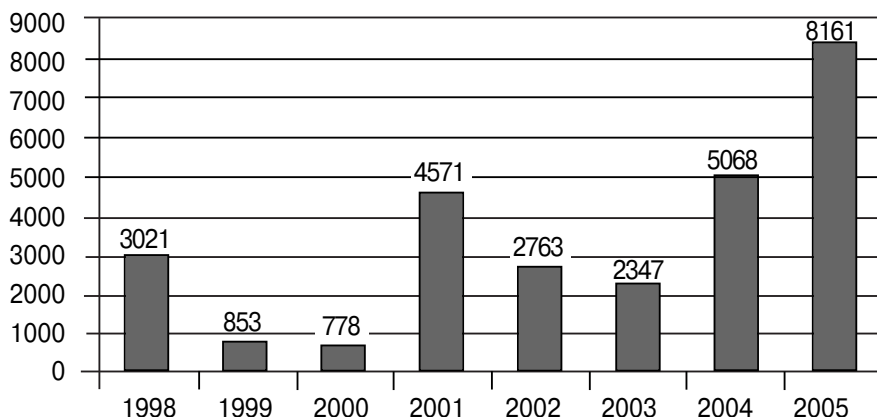

Наряду с числом терактов вторым важнейшим показателем террористической активности является число ее жертв. Только за 2005 г. в терактах в мире погибло более восьми тысяч человек (8 161). Это абсолютно рекордное число значительно превышает показатели предыдущего, 2004 г. (5 068 погибших) и почти в два раза показатели за 2001 г. (4 571 жертв), когда были совершены наиболее смертоносные в истории человечества теракты 11 сентября 2001 г. В 2005 г. два региона с наибольшим числом терактов лидировали со значительным отрывом от остальных и по общему числу жертв. Только на Ближнем Востоке и в странах Персидского залива от рук террористов погибли 6 469 че-

ловек (79% всех убитых в терактах), а в Южной Азии – 1 159 человек (14% от общего числа убитых). Во всех остальных регионах число жертв терроризма было гораздо меньше (187 человек в Африке, 141 в Латинской Америке и т. д.).

Рис. 2. Число погибших в терактах (1998–2005 гг.)

В течение последних восьми лет Ближний Восток и Южная Азия отнюдь не всегда лидировали по числу терактов и жертв терроризма (см. табл. 1)². Хотя в 1998 – 2005 гг. Ближний Восток ежегодно входил в тройку регионов –лидеров по числу терактов, первое место по этому показателю он занял лишь в 2004–2005 гг. Южная Азия (включая Афганистан) вошла в тройку лидеров лишь с 2001 г. и лидировала по числу терактов в 2002 и 2003 гг. По числу погибших в терактах регион Ближнего Востока и Персидского залива (включая Ирак) лидировал только начиная с 2003 г., тогда как в 1998–1999 гг. он занимал лишь третье место по этому показателю, а в 2000–2001 гг., т. е. непосредственно накануне терактов 11 сентября, вообще занимал лишь пятое место в мире по числу погибших от рук террористов. Южная Азия на протяжении того же периода ежегодно входила в тройку лидеров по числу жертв, но первое место по этому показателю занимала лишь в 2000 и 2002 гг.

Табл. 1. Регионы мира, лидировавшие по числу терактов и жертв в 1998–2005 гг.

Год	Регионы, лидирующие по числу терактов	Регионы, лидирующие по числу погибших в терактах
2005	БВ, ЮА, ЗЕ	БВ, ЮА, Афр.
2004	БВ, ЮА, ЗЕ	БВ, ЮА, ВЕ
2003	ЮА, БВ, ЗЕ	БВ, ЮА, ВЕ
2002	ЮА, БВ, ЛА	ЮА, БВ, ВЕ
2001	ЗЕ, БВ, ЮА	СА, ЮА, ЛА
2000	ЗЕ, БВ, ЛА	ЮА, ЛА, ЮВА
1999	ЗЕ, БВ, ЛА	ВЕ, ЮА, БВ
1998	ВЕ, ЗЕ, БВ	Афр., ЮА, БВ

(БВ – Ближний Восток и страны Персидского залива, ВЕ – Восточная Европа, ЗЕ – Западная Европа, ЛА – Латинская Америка, СА – Северная Америка, ЮА – Южная Азия, включая Афганистан, ЮВА – Юго-Восточная Азия). Таблица составлена на основании данных MIPT Terrorism Knowledge Base, 1998–2005.

Показательно, что на рубеже веков – вплоть до 2001 г. включительно – первое место по числу терактов принадлежало отнюдь не азиатским регионам, а Европе: в 1999–2001 гг. по числу терактов в мире лидировала Западная Европа, а в 1998 г. – Восточная (включая Европейскую часть России). В эти годы ни один из азиатских регионов не лидировал и по числу жертв терроризма: в 1998 г. наибольшее число погибших в терактах пришлось на Африку, в 1999 г. – на Восточную Европу/Россию, в 2000 г. – на Южную Америку, а в 2001 г. – на Северную (в основном, ввиду беспрецедентно большого числа жертв терактов 11 сентября в США).

НОВЫЙ ВЕКТОР ТЕРРОРИЗМА

Эти данные свидетельствуют, во-первых, о том, что начавшаяся после 11 сентября 2001 г. *война с терроризмом* и последовавшая реакция на нее сдвинули основной вектор террористической активности в мире в регионы Западной и Южной Азии. Во-вторых, налицо и более тесная взаимосвязь смещения региональных всплесков террористической активности в мире с постепенным сдвигом регионального фокуса глобальной кампании по борьбе с терроризмом во главе с США – от операций возмездия в Афганистане до вооруженных акций, не имевших прямого отношения к борьбе с терроризмом (прежде всего, это американская интервенция и оккупация Ирака). В-третьих, если одной из основных целей международной антитеррористической кампании и было снижение угрозы терроризма в мире в целом, то пять лет спустя налицо обратный результат, то есть неуклонный и беспрецедентный рост террористической активности в глобальном масштабе.

Второй важнейшей тенденцией в развитии современного терроризма стало ускоренное размывание грани между внутренним и международным терроризмом. Если первый понимать как терроризм, жестко ограниченный территорией или осуществляемый гражданами (против граждан) только одной страны, а второй – как террористическую активность на территории, гражданами или против граждан более чем одной страны, то такое традиционное противопоставление все больше теряет свою актуальность. Размывание границы между внутренним и международным терроризмом частично происходит, как и раньше, в форме *интернационализации* отдельных аспектов деятельности террористических группировок: проведения ими терактов за пределами страны основного базирования/происхождения, создания системы сбора средств за рубежом.

Однако все чаще речь идет и о более серьезном феномене – *транснационализации* терроризма: от активизации взаимодействия между самостоятельными группировками в разных странах до создания полноценных транснациональных террористических сетей. Как показывает пример *Аль-Каиды* и особенно активность многочисленных автономных и полуавтономных ячеек посталькаидовского джихадистского движения, такие транснациональные сети ставят глобальные (*неограниченные*) цели и оперируют в глобальном масштабе, позволяя говорить о глобализации терроризма. Хотя эти транснациональные сети отнюдь не подменяют собой всего многообразия группировок, использующих террористические методы в целях, *ограниченных* тем или иным локально-региональным контекстом, и не управляют ими напрямую, они имеют для последних бесспорный демонстративный эффект и нередко активно взаимодействуют с ними (как, например, в постсаддамовском Ираке).

В целом, сейчас актуальнее говорить не столько о «международном» и «внутреннем» терроризме, сколько о его разных уровнях: о более традиционном *локально-региональном* и о новом *глобальном терроризме*.

При этом именно *экстремистская идеология* и *структурные возможности* (форма организации) остаются двумя важнейшими стратегическими ресурсами и сравнительными преимуществами террористических организаций вне зависимости от того, на каком уровне они оперируют. В начале XXI в. исламский экстремизм джихадистского типа продолжал оставаться доминирующей идеологией транснационального терроризма на гло-

бальном уровне. Его роль продолжала расти и на локально-региональном уровне в мусульманских регионах, где, впрочем, он нередко сочетался с радикальным национализмом как этносепаратистского (Кашмир, Филиппины, Северный Кавказ и т. д.), так и национально-освободительного типа (Ирак, Палестинские территории). В структурном плане как на том, так и на другом уровне сохранялась тенденция к все более широкому распространению сетевых элементов и организационных форм. Эффект этой тенденции многократно усиливает новый специфический структурный феномен, не характерный в чистом виде ни для классических сетей, ни для иерархий – эффективная многоуровневая координация действий путем общих стратегических установок.

Основные ресурсы террористических организаций любого уровня – идеологию и структуру – дополняют их финансово-технические характеристики. Здесь особого внимания заслуживают две тенденции.

Это, прежде всего, растущее использование террористами новых, быстро развивающихся *информационных и коммуникационных технологий*, ресурсов и навыков, причем не только в целях расширения аудитории, базы поддержки и усиления демонстрационного эффекта и общественного резонанса терактов, но и непосредственно в целях организационного строительства и распространения экстремистской идеологии. На наш взгляд, эти информационно-коммуникационные возможности и все более *эффективный и изощренный пиар* современных террористических организаций не менее, а, возможно, даже более важны, чем используемые ими вооружение, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства и средства доставки (которые даже в таких масштабных терактах, как взрывы в Мадриде в марте 2004 г. или в Лондоне в июле 2005 г., могут быть относительно стандартными, доступными и недорогими).

Вторая тенденция – это рост степени финансово-экономической автономности вооруженных негосударственных игроков в современном мире – вплоть до полной финансовой независимости и самодостаточности. Такой рост, впрочем, характерен не только для террористических организаций. Важно подчеркнуть, что террористы достигают высокого уровня финансовой автономности не только с помощью все более тесной вовлеченности в теневую экономику и взаимодействие с организованной преступностью, но и вполне легальными способами (от участия в легальном бизнесе до использования в своих целях средств, изначально собранных в качестве законных религиозных пожертвований). Успешный поиск террористами новых источников и способов финансирования и их переход на частичное или полное самофинансирование во многом стал следствием долгосрочной тенденции к постепенному, но неуклонному *сокращению так называемой государственной поддержки терроризма* в глобальном масштабе³.

Рассмотрим вкратце проявления основных видов и тенденций в развитии современного терроризма исламистского толка на примере, во-первых, терактов июля 2005 г. в Лондоне как акта транснационального джихадистского терроризма в его посталькаидовском виде, а во-вторых, терроризма как одной из основных тактик повстанческого движения в Ираке. Именно Ирак стал зоной наиболее активного взаимодействия транснациональных джихадистских сетей с локальными группировками, сочетающими исламский экстремизм с местным национализмом. В-третьих, если в Ираке повстанческие группировки смешанной националистически-исламистской ориентации сформировались лишь к середине 2000-х гг., то для другого очага региональной напряженности – затяжного палестино-израильского и, шире, арабо-израильского конфликта, вылившегося в 2006 г. в полномасштабную войну между Израилем и Ливаном, сочетание исламизма с радикальным национализмом стало уже традиционным. Оно наиболее отчетливо воплотилось в деятельности двух крупнейших военизированных религиозно-социально-политических движений – палестинской «Хамас» и ливанской «Хизбаллы». Хотя деятельность обеих организаций выходит далеко за рамки терроризма, их нельзя обойти вниманием – не в последнюю очередь в связи с резким обострением ближневосточного конфликта в июле-августе 2006 г.

НОВЫЙ ТЕРРОРИЗМ ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ: ЛОНДОНСКИЕ ТЕРАКТЫ ИЮЛЯ 2005 Г.

Наряду с мадридскими терактами 2004 г. теракты в Лондоне 7 июля 2005 г. стали самым заметным проявлением «нового терроризма» в текущем десятилетии.

Британские гражданские лица и объекты и ранее становились жертвами террористических атак со стороны джихадистов. В ноябре 2003 г. в результате подрыва машин с взрывчаткой пострадали британское консульство, а также банк *HSBC* в Стамбуле (тогда погиб британский консул); британские граждане были в числе жертв совершенных исламистскими группировками терактов 11 сентября 2001 г. в США, терактов 12 октября 2002 г. на о. Бали (Индонезия) и 11 марта 2004 г. в Мадриде. Однако лондонские взрывы 7 июля 2005 г. стали первой в истории успешной атакой джихадистов, совершенной на территории самого Соединенного Королевства. Более того, за год с июля 2005 г. на территории Великобритании было предотвращено еще как минимум три теракта этого типа⁴. Наконец, 10 августа 2006 г. в Великобритании разразился крупный авиатранспортный кризис в связи с предоставленной властями информацией о превентивном пресечении планов британских исламистских террористов устроить взрывы на борту ряда трансатлантических авиалайнеров с использованием десятков смертников и жидкой взрывчатки, а уровень террористической угрозы был в течение нескольких дней повышен до наивысшего – *критического*.

Показательно, что как раз накануне июльских терактов 2005 г. в мае того же года уровень террористической угрозы Соединенному Королевству был понижен с *сильного общего до значительного*⁵. Между тем основания для такого решения уже тогда были сомнительны, учитывая, что только число «первичных объектов для расследований, связанных с терроризмом», в Великобритании возросло с 250 в 2001 г. до 500 в июле 2004 г. и 800 к июлю 2005 г., а британская Секретная служба еще в марте 2005 г. предупреждала о том, что наибольшая угроза Великобритании и ее интересам на нынешнем этапе исходит от *Аль-Каиды* и ассоциированных (или ассоциирующих себя) с ней террористических групп и сетей⁶.

По своим материально-техническим, финансовым и другим параметрам взрывы 7 июля не особенно отличались от других терактов, совершенных джихадистами в разных странах мира за время, прошедшее после событий 11 сентября 2001 г. Тем не менее есть смысл еще раз остановиться на этих параметрах, так как они совершенно расходятся с распространенными в СМИ и публицистике стереотипами.

В результате трех почти одновременных взрывов в лондонском метро и прогремевшего чуть позднее еще одного взрыва в автобусе на площади Тависток погибли 56 человек и было ранено более 700. Полиция и спецслужбы не получали никаких предупреждений об атаках⁷. Бомбы были изготовлены в домашних условиях (в специально снятой для этих целей квартире в г. Лидс) с использованием подручных, доступных в свободной продаже и недорогих средств и материалов. Хотя самостоятельное производство взрывчатки из этих материалов довольно опасно, оно не требует специальных навыков – достаточно лишь информации, полученной из открытых источников и, возможно, консультации человека, уже имевшего опыт изготовления таких устройств⁸. Непосредственно до мест взрывов террористы несли изготовленную ими сильнодействующую взрывчатку в рюкзаках (по 2–5 кг в каждом), а для приведения в действие взрывных устройств использовались обычные электрические батарейки⁹. Стоимость всей операции, включая оплату аренды квартиры, необходимых материалов, транспортных расходов в Великобритании и зарубежных поездок, составила менее 8 тыс. ф. ст. Группа находилась на самофинансировании, причем из вполне легальных источников, и нет никаких данных о том, что она могла получать какую-либо финансовую помощь извне (основные средства предоставил ее лидер Мухаммед Сайдык Хан, имевший постоянную работу в течение трех лет и персональный банковский заем на сумму в 10 тыс. ф. ст.)¹⁰.

Сходство с предыдущими терактами этого типа заключалось в социально-психологических характеристиках и происхождении четверых террористов-смертников. Главная ха-

рактеристика: они практически *ничем особенным не отличались* от тысяч других своих сверстников, коллег, соседей и друзей, а если и отличались, то, на первый взгляд, скорее в положительную сторону. Возраст террористов варьировался от 18 до 30 лет, двое из них жили отдельно, были женаты и имели по ребенку, двое других проживали с родителями; трое из них были британскими гражданами пакистанского происхождения во втором поколении, хорошо интегрированными в британское общество. Хотя они выросли в небогатом пригороде г. Лидса Бистоне, сами они принадлежали к среднему классу и ни в чем не нуждались, а у одного из террористов отец был крупным местным бизнесменом. Лидер группы М.С. Хан успешно окончил университет, активно занимался общественной работой и социальной помощью (работал с инвалидами и трудными детьми), на основной работе считался талантливым педагогом и вообще был примером для окрестной молодежи. Ни один из членов группы не имел проблем с полицией (единственное, что не вполне типично для района, где они жили), все активно участвовали в социальной жизни своей общины (посещали клубы, книжные магазины и т. д.), и, как и члены других джихадистских ячеек, уделяли достаточно много времени активному отдыху на природе (спорту, походам и т. д.)¹¹.

Хотя все они были религиозны и не скрывали этого (совершали молитву на работе, по пятницам посещали одну из окрестных мечетей, не будучи связанными ни с одной конкретно), никаких явных проявлений религиозного экстремизма за ними замечено не было¹². Ни один из троих британцев пакистанского происхождения не был последователем какого-либо из экстремистских исламских проповедников, открыто действовавших на территории Великобритании вплоть до последнего времени. Лишь четвертый член группы – выходец с Ямайки Ж. Линдсей, принявший ислам в 2000 г. и в целом менее интегрированный в британское общество, мог находиться под влиянием радикального британского муллы Абдаллы аль-Файсала¹³. Более того, незадолго до терактов – очевидно, чтобы окончательно развести любые возможные подозрения, – один из членов группы вернулся к западному стилю одежды, другой сбрил бороду и т. д.

Итак, если речь не идет ни о собственных социальных невзгодах, ни об индоктринации со стороны радикальных мулл, ни о прямом заказе какой-то зарубежной террористической группы, то чем были мотивированы акции очередной группы мусульманских террористов-смертников в Европе? Тем же, что и акции предыдущих групп этого типа – реакцией в форме акта «религиозных мучеников» на политические события на мировой арене последних лет (Афганистан, Ирак и т. д.), воспринимаемых как угроза всей мусульманской умме (сообществу) со стороны Запада во главе с США и при активном участии их верной союзницы Великобритании. Об этом со всей очевидностью свидетельствует традиционная «прощальная видеозапись смертника», записанная М.С. Ханом и показанная катарским телеканалом *Аль-Джазира* 1 сентября 2005 г., и его завещание. Эти документальные свидетельства посвящены в основном «несправедливостям», унижениям, «жестокостям и зверствам», которым «мусульмане всего мира» подвергаются со стороны стран Запада. Превознося «героев нашего времени» – лидеров джихадистского движения «дорогого шейха» Усаму бен Ладена, д-ра Аймана аз-Завахири и Абу Мусаб а-Заркауи, Хан выдвигает поддержку населением западных стран своих «демократически избранных правительств» в качестве основной причины, делающей обычных граждан «напрямую ответственными» за действия своих государств, и главного оправдания ударов по гражданскому населению. Ассоциируя себя со всей уммой, Хан обращается к британским гражданам и населению других западных стран: «Вы несете такую же ответственность за действия ваших правительств, как и я – за защиту моих братьев и сестер мусульман»; «теперь вы тоже ощутите реальность ситуации» и «будете под ударом до тех пор, пока мы не будем чувствовать себя в безопасности»¹⁴.

В целом, пример группировки, совершившей теракты 7 июля 2005 г. в Лондоне, в очередной раз свидетельствует о динамичном развитии и видоизменении джихадистского движения за последние годы, за которым аналитики просто не успевают. Действительно, структура транснационального джихадистского движения начала XXI в. представляет собой переходную форму от более четко оформленного организационного идеологического и финансового ядра (*Аль-Каида*) к все более аморфной, децентрализованной,

расползающейся сети и более активному распространению ячеек по принципу, сходному с «франчайзингом». Такие ячейки разделяют идеологию и общие установки *Аль-Каиды* и используют ее имя как своеобразный *бренд*, но напрямую не связаны с ней организационно: ни в случае с лидской группировкой в Великобритании¹⁵, ни в случае с исламистами, устроившими теракты в мадридских поездах 11 марта 2004 г., не было достоверных данных об их связи с *Аль-Каидой*¹⁶.

В такой «расползающейся» сетевой структуре просматриваются признаки «сегментированной полицентричной идеологически интегрированной» сети (так называемой СПИН-структуры). Однако следует помнить, что в реальности большинство террористических структур, как на локальном, так и на более высоких уровнях, носят смешанный характер, то есть представляют собой гибриды сетевых и иерархических элементов. Например, джихадистское движение, несмотря на преобладание сетевых характеристик, демонстрирует и определенные элементы иерархии. Они присутствуют как на уровне отдельных ячеек (роль М.С. Хана как явного предводителя лидской группы), так и в рамках движения в целом (наличие лидеров, пусть и не в классическом, а, скорее, в идеологическом, смысле слова – таких, как упоминавшиеся Усама бен Ладен, Айман аз-Завахири и покойный Абу Мусаб аз-Заркауи). Характерно, что структуры смешанного, гибридного типа обычно складываются не столько в результате сознательной организационной политики, сколько органически, путем естественного приспособления к условиям существования.

Джихадистское движение не может сводиться к стандартной современной обезличенной функционально-идеологической сети (типа движения антиглобалистов) не только в силу того, что сохраняет смешанный характер не чистой, а многоуровневой иерархизированной сети. Дело в том, что, в отличие от тех же антиглобалистских сетей, для джихадистского движения одних только общих идеологических установок недостаточно, чтобы обеспечить эффективное функционирование отдельных полу- или полностью автономных ячеек на местах «в одном направлении». Эта структурная проблема решается с помощью модели, не свойственной ни сетям, ни иерархиям «в чистом виде»¹⁷ – *эффективной координации действий* низовых полу- или совершенно автономных ячеек не путем централизованного контроля (как в иерархиях) или переговоров и взаимных договоренностей (как в сетях), а с помощью *стратегических установок, сформулированных в самом общем виде*.

В условиях неформальных, латентных связей такая стратегическая координация с помощью общих директив эффективна только в двух случаях. Либо идеология движения уже сама содержит в себе достаточно четкие инструкции к определенным действиям, либо она позволяет сформулировать стратегические цели таким образом, что они могут быть осуществлены разными способами в разных условиях, но все равно будут квалифицироваться как действия в направлении единой цели. Наиболее амбициозный и военизированный вариант исламского экстремизма и концепция глобального джихада в ответ на действия Запада, воспринимаемые как «несправедливые», «преступные» и «направленные против всех мусульман», – как раз удовлетворяет обоим требованиям в качестве идеологии широкого, многоуровневого и сегментированного «посталькаидовского» джихадистского движения. В этом смысле незаменимую роль играют современные информационно-коммуникационные технологии, особенно Интернет, помогающие джихадистам структурировать движение, без труда приписывать отдельные акции общей цели. Десятки похожих друг на друга, хотя и не связанных между собой групп и ячеек по всему миру получают возможность оперативно брать на себя *виртуальную* ответственность за любую акцию, отвечающую глобальным задачам движения в целом.

Помимо общей идеологии, для эффективной координации действий отдельных ячеек джихадистского движения необходим и более высокий уровень взаимных социальных обязательств и межличностного доверия, который ни сетевая, ни смешанная структура сама по себе обеспечить не может. Джихадистов объединяет не только абстрактная идеологическая близость и ощущение собственной принадлежности к одной сети в качестве ее автономных единиц. Члены низовой ячейки, как правило, связаны между со-

бой и более тесными личными отношениями, часто сложившимися еще до их вливания в джихадистское движение. Приоритет здесь имеют не столько архаичные кланово-родственные отношения, сколько дружеские связи и личные контакты, отношения землячества, совместно приобретенный опыт (в учебе, работе, социальной активности), то есть речь идет о группе близких друзей, об ассоциации, своеобразном *братстве* единомышленников¹⁸.

Обычно группа мусульман (возможно, живущих на чужбине, или детей эмигрантов, часто неплохо интегрированных в западное общество) связана тесными дружескими, реже родственными, отношениями, вместе посещает мечеть, снимает жилье или просто регулярно собирается. Постепенно такая группа в составе от 4 до 8–10 человек внутренне интегрируется (как правило, на базе обостренного чувства отчуждения от окружающего их общества и радикального неприятия политики властей страны проживания), политизируется и радикализуется на основе антизападной исламистской идеологии, часто под влиянием лидера группы – духовного мини-авторитета и наставника. Радикализация и стремление найти новую *квазисемью* в виде джихадистской ячейки нередко обострялась после социально-культурного *сдвига* (смены страны пребывания, привычного круга общения и т. д.), усиленного *виртуальным* воздействием и демонстративным эффектом крупных событий мирового масштаба – от терактов 11 сентября 2001 г. до интервенций в Афганистане и Ираке. На каком-то этапе такая группа может прийти к идее о бесполезности *пустых разговоров* и необходимости перехода к *пропаганде действием*. После чего *кружок*, как правило, перестает посещать мечеть и начинает активно искать контакты с действующими участниками (ветеранами) джихадистского движения и способы организовать теракты. Показательно, что такая внутренняя самоиндоктринация все чаще носит почти стихийный характер, не связана напрямую с радикальными мечетями и другими центрами исламского экстремизма на Западе (!) и не обязательно происходит под влиянием известных радикальных проповедников (например, британских мулл Абу Хамзы, Абдуллы аль-Файсала, Абу Катада или Омара Бахри Мухаммада)¹⁹.

Наконец, опыт лидской джихадистской ячейки подтверждает, что главным стратегическим ресурсом джихадистов являются не столько используемое ими вооружение, которое может быть легкодоступным и недорогим, и даже не методы финансирования (которые могут быть вполне легальными) или его масштабы (даже крупные современные теракты стоят сравнительно недорого). Главный стратегический ресурс джихадистов – экстремистская идеология в сочетании с уникальной, гибкой структурно-организационной моделью, позволяющей осуществлять эффективную координацию не с помощью прямого контроля из определенного центра, а путем общих стратегических целей и установок, и обеспечивающей жесткую дисциплину и внутреннюю интеграцию даже на микроуровне отдельных ячеек.

Таким образом, современное транснациональное джихадистское движение сочетает религиозно-экстремистскую направленность с весьма модернизированными организационными формами и информационно-коммуникационными технологиями. Это не позволяет нам свести его к некоему *сетевому трибализму*, понизить уровень глобального джихада до уровня кланово-племенных стычек в Афганистане или межобщинных столкновений в Ираке. Наиболее активные джихадисты – это не племенные вожди, а образованные студенты-мусульмане и другие представители среднего класса, подобно группе британских мусульман, устроившей июльские теракты 2005 г. в Лондоне (или группе арестованных в августе 2006 г. в связи с возможной подготовкой взрывов трансатлантических авиалайнеров)²⁰. Наиболее благодатная почва для формирования современных джихадистов складывается в зонах наиболее тесного контакта с Западом – непосредственного (в мусульманских диаспорах в западных странах или в зонах расширенного западного экономического, военно-политического и культурного присутствия и влияния) или опосредованного (например, в мусульманских странах, правящие режимы которых воспринимаются как союзники или *агенты* Запада и, прежде всего, США).

ИРАК: СОЧЕТАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПОВСТАНЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Наивысший уровень террористической активности в последние два года наблюдался в регионе Ближнего и Среднего Востока, который с большим отрывом опережал по числу терактов и жертв второй по уровню террористической активности регион – Южную Азию. Показательно, что в середине первого десятилетия XXI в. таким высоким уровнем терроризма Ближний и Средний Восток обязан даже не столько многолетнему палестинско-израильскому противостоянию, сколько ситуации в Ираке, на территории которого находятся коалиционные войска под командованием США и где с большими трудностями формируется новый, прозападный государственный режим. Им противостоит иракское движение сопротивления, состоящее из целого ряда группировок и использующее самые различные методы борьбы – от партизанских атак против иностранных войск и местных сил безопасности до терроризма и внутреннего межобщинного (межфракционного) насилия.

Движение сопротивления в Ираке носит очень динамичный характер. Оно развивается и видоизменяется (в том числе в ответ на политику и действия США и поддерживаемого ими режима в Багдаде) почти так же быстро, как и джихадистское движение на транснациональном уровне, о котором речь шла выше. Спустя три года после оккупации Ирака повстанческое движение проделало большой путь.

На ранних этапах повстанцы начинали практически с нуля: вопреки распространенному мнению, нет полной уверенности в том, что в начале 2000-х гг. Саддам Хусейн готовил полноценную стратегию партизанской войны на случай военного поражения. Это подтверждает и установившееся в Ираке в течение нескольких месяцев после свержения его режима относительное затишье, когда войскам США практически никто не противостоял. Первые повстанческие ячейки стали формироваться позднее, на самой разной основе – то есть не столько и не только в силу причастности к свергнутому баасистскому режиму, но и на базе комплекса профессиональных, семейно-клановых, соседско-общинных, регионально-земляческих и других связей. При этом мотивация повстанческих групп изначально носила скорее патриотически-националистический и постепенно – все более отчетливый религиозный характер, чем базировалась на дискредитированной баасистской идеологии²¹.

На этом этапе повстанческое движение состояло из множества небольших локализованных групп, которые появлялись так же быстро, как и исчезали. Ответственность за большинство атак либо не брал никто, либо брали сразу несколько группировок. Характерно, что на этом этапе не только первые партизанские атаки против коалиционных сил встречали поддержку населения, но и первые теракты против международных объектов, включая представительство ООН²², не вызвали неприятия у населения. Теракты же против местного гражданского населения еще не были широко распространены и приписывались в основном иностранным боевикам-джихадистам, хотя их присутствие на ранних этапах сопротивления было очень ограниченным²³ (как поначалу минимальным было и число атак смертников). В целом, уже в 2004 г. интенсивность партизанских и террористических атак со стороны повстанцев стала достигать 40–50 в день, а в начале 2005 г. возросла до 50–60 атак в день²⁴.

Уровень поддержки повстанцев со стороны местного населения варьировался по времени и в зависимости от региона и конкретной общины (например, в отличие от суннитов и значительной части шиитов, большинство курдов в целом поддерживает коалиционные силы, видя в ослаблении Иракского государства шанс улучшить позиции своей общины и реализовать свои сепаратистские устремления). С начала оккупации поддержка повстанцев как среди суннитского, так и среди шиитского населения росла, чему немало способствовало разочарование ходом политического процесса и недовольство силовыми операциями коалиционных сил. Пик этой межконфессиональной поддержки пришелся на события весны–лета 2004 г. – осаду американцами суннитской Фалуджи и подавление волнений среди шиитов в апреле и августе, включая операции против вооруженных формирований под руководством Муктады ас-Садра («Армии Махди»). Однако сближение шиитских и суннитских повстанцев оказалось недолговременным.

Радикализация сопротивления, участвовавшее в совершении менее избирательных и более смертоносных атак, в результате которых все чаще гибли иракские граждане, в основном шииты, а также сознательная политика коалиционных держав поощрению межфракционных трений способствовали обострению межобщинных противоречий и мешали созданию единого повстанческого суннитско-шиитского фронта.

С конца 2004 г. движение сопротивления носило все более явно выраженный преимущественно суннитский характер, хотя речь и не идет о всеобщей поддержке повстанцев среди иракских суннитов²⁵. Этот процесс способствовал консолидации вооруженной оппозиции иностранным войскам и проамериканскому режиму на основе *суннитского фундаментализма и радикального иракского национализма* и заставил повстанцев уделить большее внимание пропагандистской активности. Подчеркнем, что сложившийся к концу 2004 г. преимущественно суннитский характер сопротивления в какой-то мере стал отражением этноконфессиональной основы того государства, которое США создают в послевоенном Ираке (с опорой на курдов и умеренных шиитов), и избранной ими антиповстанческой стратегии. Эта стратегия в целом носила антисуннитскую направленность при определенной опоре на курдское племенное ополчение и отчасти лояльные шиитские военизированные формирования.

К 2005 г., в отличие от хаотичного первоначального этапа, в повстанческом движении сформировалось несколько более однородных и крупных группировок. Они уже были хорошо организованы, сочетали сетевые характеристики с необходимым уровнем централизации, гибко реагировали на изменения политической обстановки и создали свою систему пропаганды с использованием новейших средств информации и коммуникации.

Одной из наиболее крупных группировок стала «Танзим аль-кайда фи билад аль-рафидайн» (*Организация Аль-Кайды в Месопотамии*), известная по американским источникам как *Аль-Кайда в Ираке* и в октябре 2004 г. внесенная США в список иностранных террористических организаций. До своей гибели 7 июня 2006 г. в окрестностях Багдада в результате американского авиаудара ее возглавлял Абу Мусаб аз-Заркауи. По заявлениям организации, две из ее 15 бригад укомплектованы смертниками (причем одна из них – исключительно иракскими добровольцами)²⁶. На протяжении 2005 г. *Организация Аль-Кайды в Месопотамии*, которая в наибольшей степени задействует иностранных бойцов, активно пыталась придать своему имиджу более *иракский* характер. При этом, однако, даже американские источники признают, что большинство ее членов – иракцы и что в целом иностранные боевики составляют лишь от 4 до 10% всех повстанцев в Ираке²⁷. Группировка является активным участником иракского сопротивления, однако американские источники склонны преувеличивать ее роль в повстанческом движении.

Не менее активна «Джейш ансар аль-сунна» (Партизаны армии сунны) – группировка, сочетающая исламизм с иракским патриотизмом и имеющая, помимо военных подразделений, политическое крыло. Одной из наиболее националистически настроенных является группировка «Аль-джейш аль-ислами филь-‘Ирак» (Исламская армия в Ираке). «Аль-джабха аль-исламийа лиль-мукавама аль-‘Иракийя» (Исламский фронт иракского сопротивления) наиболее активна на пропагандистском фронте. Наряду с этими организациями в Ираке действует и ряд более мелких повстанческих групп, например «Джейш аль-рашидин» (Армия первых четырех халифов), «Харакат аль-мукавама аль-исламийя» (Движение исламского сопротивления), «Джейш аль-та‘ифа аль-мансура» (Армия победоносной группы), «Джейш аль-муджахидин» (Армия моджахедов) и еще около 30–40 группировок.

В отличие от раннего этапа сопротивления, в 2005–2006 гг. одна из группировок уже, как правило, брала ответственность за любую крупную вооруженную акцию, а все более редкие заявления причастности к таким акциям со стороны сразу нескольких группировок свидетельствовали о росте согласованности, и, возможно, о координации действий между ними. Более того, несмотря на жесткие контрпартизанские меры коалиционных сил – регулярные специальные операции, рейды, зачистки и массовые обыски (около

8 тыс. за 2 года с мая 2003 г.), массовые аресты и задержания (около 80 тыс. иракцев за тот же период)²⁸, потерю повстанцами таких анклавов, как оплот сопротивления г. Фалуджа, и гибель ряда их лидеров (в том числе такой крупной фигуры, как Абу Мусаб аз-Заркауи), в их рядах не наблюдалось паники, а вооруженная активность не прекращалась. Напротив, налицо дальнейшее укрепление повстанческого движения в его стремлении бороться с «оккупантами и их пособниками», вплоть до совместных деклараций и операций, не говоря уже о складывающемся своеобразном *разделении труда* между различными группами²⁹.

Постепенное идеологическое сближение рядов сопротивления на основе сочетания исламизма в его военно-политической, радикально-джихадистской форме с иракским национализмом ведет к размыванию идеологических и других различий между иностранными джихадистами и иракскими повстанцами. Присутствие коалиционных сил в Ираке, воспринимаемое как «оккупация», остается главным скрепляющим элементом организационно-идеологического сближения между различными элементами сопротивления и неизвестно, сохранится ли оно в случае вывода этих сил. Тем не менее повстанческое движение отнюдь не так разнородно и разделено между иракцами и зарубежными джихадистами, как, например, можно заключить из данных американских источников. Правительство США продолжает (в том числе в политико-пропагандистских целях) настаивать на том, что эти различия неуклонно растут³⁰, и именно на этом строит свою антипартизанскую и контртеррористическую стратегию в Ираке.

В целом, оппозиционные повстанческие группировки не только едины в своей нежелании вступать в переговоры с американской коалицией и новыми иракскими властями, но и все более оптимистично оценивают шансы реализации своей первоочередной задачи – изгнания иностранных сил из Ирака, попутно включая наказание, вплоть до физического уничтожения, *отступников* из числа мусульман, перешедших на сторону врага³¹. Однако помимо этой вполне конкретной задачи ни движение сопротивления в целом, ни какая-либо из входящих в него группировок пока не выдвинули четкой политической программы относительно будущего устройства Ирака после вывода иностранных сил.

Отметим, что исламистская радикализация иракского сопротивления помогла повстанцам подвести религиозно-идеологическую базу под неизбирательное использование насилия, жертвами которого могут оказаться гражданские лица. Возможность случайной или неизбежной гибели гражданского населения в ходе борьбы с войсками коалиции и противостояния силовым структурам «коллорационистского» режима поставила руководство повстанцев перед моральной дилеммой. Эта дилемма была «решена» в рамках радикальной интерпретации концепции *джихада* (священной войны), включая принцип, в соответствии с которым те или иные действия необходимо оценивать по их цели, а не по результатам. Иными словами, «побочные» жертвы среди гражданского населения считаются допустимыми и оправданными при условии, что цель акции – прямой или косвенной – состояла в подрыве сил, мощи или влияния «врага». При этом попытки противника раствориться среди местного населения, прикрываясь им как щитом, не рассматриваются как препятствие для совершения возмездия над врагом. В таком случае действия, в результате которых могут погибнуть и мирные жители, считаются оправданными, а сами жертвы среди гражданских лиц, как и боевики, ответственные за их гибель, зачисляются в разряд *мучеников* (с той лишь разницей, что если вторые идут на смерть добровольно, то первые становятся *мучениками поневоле*).

Что касается актов *чистого терроризма*, изначально и сознательно направленных именно против гражданского населения, то подчеркнем, что до сих пор действующие группы вооруженной оппозиции в Ираке крайне редко берут на себя прямую ответственность за их совершение. Таким редким примером можно считать некоторые заявления покойного аз-Заркауи, в которых он одобрил одновременные взрывы бомб в Багдаде и Кербеле в марте 2004 г. во время шиитского праздника Ашуры (когда погибли более 180 человек) и нападение на лидера одной из крупнейших шиитских организаций Верховного совета исламской революции в Ираке А. аль-Хакима в декабре того же года. Хотя эти заявления можно интерпретировать как признание его причастности к этим терактам, даже аз-

Заркауи отрицал причастность своей организации к взрывам в священных шиитских городах Кербеле и Наджафе в том же месяце³².

В этом контексте хотелось бы отметить, что, пытаясь возложить, и не без оснований, вину за развязывание междоусобных столкновений в Ираке на «иностранных джихадистов во главе с аз-Заркауи», США сами во многом провоцируют межфракционные конфликты, опираясь на полувоенные племенные и иные формирования в своей борьбе с повстанцами и действуя по старому принципу *разделяй и властвуй*. Не удивительно, что любой очередной теракт способствует не только разжиганию междоусобных столкновений, но и росту антиамериканских настроений среди иракцев.

ВОЙНА И КРИЗИС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЗА РАМКАМИ ТЕРРОРИЗМА

В 2005–2006 гг. Ближний и Средний Восток оставался наиболее проблемным регионом с точки зрения не только террористической, но и военной активности. Действительно, новый всплеск насилия в зоне ближневосточного конфликта был связан уже не столько с террористическими акциями против мирного населения со стороны негосударственных группировок, сколько с локальной войной между Израилем и ливанской шиитской военно-политической группировкой «Хизбалла» и вторжением Израиля в Ливан. Число гражданских жертв, в первую очередь израильских военных ударов, только за месяц с начала военных действий 12 июля до начала перемирия 14 августа 2006 г.³³ сопоставимо со среднегодовым числом жертв террористической активности в зоне ближневосточного конфликта.

В ходе кризиса переплелись противоречия и интересы разного типа и уровня.

Среди локальных противоречий – сохраняющиеся ливано-израильские противоречия, в том числе военизированный потенциал шиитского движения «Хизбалла», рассматриваемый Израилем как угроза его безопасности, и нерешенность проблемы ливанских заключенных в Израиле, захваченных в период израильской оккупации до 2000 г. (на фоне прихода к власти исламистского движения «Хамас» в Палестинской автономии в 2006 г.).

На региональном уровне свою дестабилизирующую роль сыграли противоречивые интересы Израиля, с одной стороны, и Сирии и Ирана, с другой стороны, в Ливане и регионе в целом, стремление всех этих государств изменить общий расклад сил на Ближнем Востоке, продолжение арабо-израильской конфронтации и нерешенность палестинского вопроса на фоне продолжающегося кризиса и растущего сопротивления иностранному военному вмешательству в Ираке.

Наконец, ситуацию можно рассматривать и в более широком международном контексте – то есть прежде всего на фоне противоречий между США и такими региональными игроками, как Сирия и особенно Иран.

Тем не менее, очередной ближневосточный кризис имеет вполне конкретный подтекст и с точки зрения терроризма/антитерроризма. Он со всей остротой поднимает как минимум две более широкие проблемы, по которым в международном сообществе нет согласия.

Первая проблема – это принципиально новое соотношение между собственно терроризмом, то есть *негосударственным терроризмом* (со стороны субнациональных или транснациональных группировок и сетей), и так называемой *государственной поддержкой терроризма*. По мере постепенного снижения, особенно с окончанием холодной войны, поддержки террористических группировок со стороны отдельных государств это соотношение к настоящему моменту радикально изменилось в пользу терроризма со стороны негосударственных организаций – экстремистских с идеологической точки зрения, гибких и мобильных в плане структуры, политически автономных и все более независимых в финансовом отношении. Такой сдвиг диктует принципиальный отход от

прежних представлений и оценок террористических угроз безопасности, ориентированных преимущественно на оказание давления на «государства, поддерживающие терроризм». К сожалению, как показывает развитие иракского, палестино-израильского и в целом ближневосточного конфликта, эти изменения либо недостаточно учитываются некоторыми государствами, включая США как основного внешнего игрока, либо сознательно ими игнорируются.

Это изменившееся соотношение между негосударственным терроризмом и его поддержкой со стороны государств может несколько варьироваться и быть более или менее заметным в зависимости от конкретного региона, но в глобальном масштабе носит явный характер. Оно послужило одной из причин для возражений со стороны России на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г. (который совпал с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке) против попыток напрямую обвинить Сирию и Иран в эскалации конфликта между ливанской шиитской группировкой «Хизбалла» и Израилем. Даже если, как в данном случае, налицо близость, а порой и совпадение интересов между военизированной негосударственной организацией и рядом государств региона, усиленное их давними связями³⁴, было бы сильным преувеличением и упрощением ситуации полагать, что действия «Хизбаллы» напрямую контролировались Сирией или Ираном и осуществлялись по приказам из Дамаска или Тегерана³⁵. В более общем плане главная причина продолжающейся нестабильности в регионе кроется не столько в «злонамеренном» влиянии Сирии и Ирана (которые, как и Израиль, безусловно, готовы на многое ради защиты своих стратегических интересов), сколько в нерешенности палестино-израильского вопроса, а в последние несколько лет – и в ухудшающейся ситуации в Ираке. На этом фоне Ливан, почти восстановленный, выбравший из руин затаяющей гражданской войны и освободившийся от обеих иностранных оккупаций (израильской и сирийской), до начала очередной израильской интервенции в июле 2006 г. выглядел своеобразным *светлым пятном*. Хотя прогнозы, предрекавшие Ливану новую межфракционную войну, пока не оправдались, внутривнутриполитические позиции «Хизбаллы» в результате войны с Израилем не ослабли, а усилились, что может иметь весьма неоднозначные последствия как с точки зрения поддержания хрупкого межфракционного баланса, так и в других отношениях.

Вторая, даже более важная проблема, актуальная в том числе в антитеррористическом контексте, как раз и состоит в том, что делать, если государство слабо, а фракционная/негосударственная группировка, или движение, сравнительно сильна и популярна. Хотя такая группировка могла ранее использовать террористические методы и сохраняет возможности для их применения, она также может выступать основным политическим представителем своей общины и пользоваться широкой поддержкой у местного населения. Конечно, эта проблема выходит далеко за рамки терроризма. Важно понимать, что ключевое значение здесь имеет не столько сравнительная «сила» или «слабость» государственной власти (в их традиционном понимании как степени централизованного государственного контроля), сколько *функциональность* (дееспособность) государства в конкретных политических, этноконфессиональных, социально-экономических и региональных условиях. Например, в такой крайне пестрой в политико-конфессиональном отношении стране, как Ливан, представляющей собой союз нескольких крупных общин (маронитов, православных, суннитов, друзов, шиитов и т. д.), государство, для того чтобы быть функциональным в постконфликтных условиях (поддерживать относительную политическую стабильность и хрупкий межобщинный баланс, создавать условия для социально-экономического развития), *вынуждено* оставаться относительно слабым и децентрализованным. В этих условиях его роль во многом ограничивается тем, чтобы служить арбитром в межобщинных противоречиях. Такое межфракционное государство в целом, и его армия в частности, функциональны в том смысле, что могут поддерживать законность и порядок внутри страны, особенно между общинами, но слабы в том отношении, что не могут ни предотвратить вылазки со стороны общинных военизированных формирований на территорию другого государства, ни тем более защитить страну от внешней агрессии. Понятно, что попытки ускоренными методами искусственно *укрепить* и централизовать такое государство и силовым путем *заставить* его создавать мощный военный потенциал не просто имеют мало шансов на успех, а грозят подорвать

внутриполитическую стабильность и межфракционный баланс, которые с таким трудом удалось восстановить после десятилетий гражданской войны и вооруженного иностранного вмешательства. Если международное сообщество в лице Совета Безопасности ООН настаивает на обременении такого государства всей полнотой функций в области безопасности, включая внешнюю оборону, оно должно быть готово взять львиную долю усилий в этом направлении на себя (в том числе выполнение функций по разграничению сторон, соблюдению пограничного режима и т. д.).

В более острой форме эту проблему можно сформулировать так: что делать, если негосударственная военно-политическая организация не только сравнительно сильна по сравнению с собственным государством (что не позволяет обеспечить ее разоружения и демилитаризации внутренними силами), но и в принципе не может быть разгромлена извне без а) полного уничтожения базы ее общественной поддержки внутри страны (вплоть до геноцида против конкретной общины) и б) дестабилизации всего государства и подрыва его дееспособности путем разрушения его внутреннего межобщинного и/или социально-политического баланса? Рассмотрим эту проблему на примере палестинской «Хамас» и ливанской «Хизбаллы».

Первые десятилетия своего существования «Хамас», выросшая из отделения «Братьев-мусульман» в секторе Газа, посвятила религиозной и социально-гуманитарной деятельности, лишь впоследствии подключившись к вооруженной борьбе, в том числе с применением террористических методов. Отметим, что «Хамас», как и многие группировки этого типа, существует как бы в двух измерениях и преследует цели двух уровней. На религиозно-идеологическом уровне их конечная задача носит фундаменталистский характер и сфокусирована на создании исламского государства, для которого «Аллах является целью, Пророк является примером, а Коран – конституцией»³⁶. В идеологическом плане такие группировки не просто радикальны, а мечтают о возможности существования в *ином измерении* воображаемого аналога общества первых мусульман.

В условиях, когда в любом сколько-нибудь обозримом будущем такая «воображаемая реальность» вряд ли может быть реализована, а идея о возможности ее создания в значительной мере иррациональна, исламистские организации должны «тем временем» как-то существовать и поддерживать свою активность, в ожидании постепенного приближения к такой отдаленной цели. На этом *затянувшемся на бесконечность* промежутке времени между настоящим и отдаленным *светлым будущим* исламисты сосредотачивают свою деятельность на окружающем их обществе – от наиболее обездоленных его слоев до недовольных сегментов элит. «Хамас» является одним из самых ярких примеров такого сочетания декларированных малодостижимых религиозно-идеологических целей и несравнимо более прагматичных социально-религиозных и социально-политических задач. В частности, признанным фактом является то, что по объему, многообразию, широте охвата и эффективности социально-гуманитарная деятельность «Хамас» значительно превосходила соответствующую деятельность официальных властей – Палестинской национальной администрации. Именно эта каждодневная социальная «работа в массах» с помощью созданной «Хамас» альтернативной сети социально-религиозных центров помощи, школ, больниц и т. д. и стала главным стратегическим ресурсом этой организации, обеспечив ей поддержку значительной части палестинского населения, особенно в секторе Газа, и победу на выборах в Автономии в январе 2006 г.

В этом контексте интересно рассмотреть переход «Хамас» и других группировок этого типа к вооруженному насилию. Дело в том, что сама иррациональность конечных религиозно-идеологических целей и отсутствие видимого прогресса в их достижении делают такие исламистские организации особенно зависимыми от поддержки со стороны местного населения. Она им просто жизненно необходима для продолжения своей деятельности и существования на долгосрочной основе, по мере того как они будут медленно, постепенно продвигаться по пути создания «идеального» исламского государства. В отличие от небольших маргинальных группировок политических экстремистов (например, в странах Запада), исламистские группировки на местах, подобные «Хамас», просто не могут существовать без поддержки населения и не могут себе позволить поте-

рять эту поддержку. Зачастую именно этот императив – необходимость соответствовать чаяниям поддерживающего их населения – и заставляет таких исламистов «подключиться» к вооруженной борьбе, как это произошло с «Хамас» в начале 1990-х гг. (показательно, что в других условиях этот же императив с таким же успехом может заставить исламистов-прагматиков приостановить или прекратить вооруженное насилие, включая терроризм). Даже на пике вооруженно-террористической активности в ходе «второй интифады» в начале 2000-х гг. вооруженная борьба, включая терроризм, занимала не более одной десятой от общего объема и спектра деятельности «Хамас», основой которой продолжали составлять социально-гуманитарная работа, религиозные функции, а к середине 2000-х гг. – все заметнее и политическая активность.

В отличие от «Хамас», первоначально сформировавшейся как религиозно-социальное движение и лишь спустя десятилетия перешедшей к вооруженному противостоянию с использованием террористических методов, «Хизбалла» возникла непосредственно в ходе сопротивления со стороны шиитской общины Ливана предыдущей израильской оккупации (Южного Ливана в 1982–1985 гг. и приграничных районов в 1985–2000 гг.) и именно как реакция на эту оккупацию. Освобождение юга Ливана от израильских войск составляло главную военно-политическую цель организации вплоть до их вывода в мае 2000 г., который, с одной стороны, был воспринят «Хизбаллой» как крупная победа, но, с другой стороны, лишил ее главного повода для поддержания мощного вооруженного потенциала и поставил организацию перед первым серьезным политико-стратегическим выбором. Он был связан с, как минимум, двойственной – военной и социально-политической – и даже более многоплановой природой движения. С одной стороны, «Хизбалла» десятилетиями вела партизанскую войну против иностранных войск, в том числе с использованием террористических методов (которые, однако, не доминировали над нападениями, вылазками и обстрелами военных формирований) и продолжала сохранять и даже развивать свой военный потенциал в течение шести лет после ухода Израиля с юга Ливана – потенциал, который рассматривается Израилем как прямая угроза безопасности его северных районов. С другой стороны, в специфических условиях ливанского общества и государства, являющегося своеобразным союзом различных конфессиональных общин, «Хизбалла», во-первых, стала основной формой организации наиболее крупной шиитской общины страны, выстроив целую сеть социальных институтов – от больниц и школ до собственных СМИ (телекомпания *Аль-Манар*, сеть периодических изданий) и специального Агентства по восстановлению ущерба, нанесенного экономике подконтрольной части страны многолетней гражданской войной и иностранной интервенцией (Джихад аль-бина). Во-вторых, в этом качестве «Хизбалла» активно включилась в политический процесс, участвуя в выборах и имея фракцию в ливанском парламенте и министров в коалиционном правительстве. В-третьих, как политический представитель крупнейшей ливанской общины и единственная группировка, обладающая вооруженными формированиями, которые хотя бы отдаленно соответствуют задаче обороны страны от внешнего врага, «Хизбалла» претендует на более широкую роль в общенациональном и межконфессиональном контексте, став одной из основных патриотических сил. В-четвертых, благодаря своим связям с Ираном и Сирией, «Хизбалла» выступает не только как сектарный и национальный, но и как важный региональный игрок. Наконец, радикальная интернационалистская исламистская идеология движения имеет более широкий международный резонанс – как в мусульманском мире, так и за его пределами.

Эта сложная и многоплановая природа «Хизбаллы», и прежде всего ее встроенность в ливанскую общинно-конфессиональную мозаику и региональный контекст, объясняет, почему главная непосредственная задача военной кампании, начатой Израилем в июле 2006 г. – уничтожение военного потенциала «Хизбаллы» – не может быть реализована (по крайней мере, в том виде, в каком она ставится). Прежде всего, очередная израильская интервенция в Ливане фактически воссоздает условия, которым движение «Хизбалла» обязана своим возникновением и многолетним существованием. В остальном влияние новой ливано-израильской войны на «Хизбаллу» не столь однозначно: с одной стороны, она усиливает военизированный профиль движения и позиции его наиболее радикальных элементов, а с другой стороны – способствует не только дальнейшей

консолидации общественной поддержки «Хизбаллы» в шиитской общине Ливана, но и усиливает ее общенациональный (а не просто узкоконфессиональный) имидж, пафос и политические позиции.

В целом, на национальном (внутрипалестинском и внутриливанском) и региональном уровнях подход к таким неоднозначным и многоплановым движениям исламистско-националистического толка, как «Хамас» и «Хизбалла», вряд ли будет адекватным без сбалансированного соотнесения задач в области *безопасности* и мер по поддержанию *функциональности* государства или государственного образования. Стоит ли говорить, что путем военной интервенции такой сбалансированности добиться в принципе невозможно. Наоборот, это не просто предполагает, а настоятельно требует прежде всего внутривнутриполитической трансформации и дальнейшей политизации негосударственных игроков на национальном уровне – процессы, к которым и «Хамас», и «Хизбалла» уже начали подключаться в последние годы.

Эта стратегия должна сочетаться с легитимными международными гарантиями трансграничной безопасности в регионе (как для Израиля, так и для его соседей), подкрепленными международной помощью – в первую очередь, такому сложному межфракционному государственному образованию с традиционно и вынужденно слабой центральной властью, как Ливан, – в плане обеспечения его внешней безопасности. Наконец, в долгосрочной перспективе окончательная демилитаризация и/или частичное «огосударствление» и введение в более или менее контролируемые рамки военизированного потенциала таких исламистских движений, как «Хамас» и «Хизбалла», вряд ли возможно без возобновления и прогресса в урегулировании ближневосточного конфликта (и других очагов региональной напряженности – прежде всего, иракского).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Транснациональные сети, действующие в глобальном масштабе, и группировки, базирующиеся и оперирующие – часто десятилетиями – на локально-региональном уровне, могут быть не только идеологически близки. Между ними, их лидерами и рядовыми членами, могут наблюдаться и некоторые структурные параллели, и даже быть налажены прямые контакты (как, например, в ходе вооруженного противостояния в Ираке). Однако это еще не делает современные локально-региональные группировки исламистского толка, использующие терроризм как одну из тактик вооруженного противостояния, *автоматическим* придатком *глобального джихада*, целиком направляемым и инспирируемым извне³⁷.

Различия между террористическими структурами на локально-региональном и глобальном уровнях состоят и в масштабе их целей – неограниченно-экзистенциальными для глобального джихада и ограниченными локально-региональными/национальными рамками для местных повстанческих, сепаратистских и прочих группировок исламистского толка. Каждый из этих двух уровней терроризма сохраняет значительную степень автономии и собственную динамику и логику развития. Поэтому речь должна идти не о противостоянии некоему *всемирному исламистскому террористическому интернационалу*, полностью интегрированному от локального до глобального уровня, сколько о решении более сложной задачи – о противодействии исламистскому терроризму на различных уровнях. 🗑️

Примечания

¹ Здесь и далее вычисления проведены на основе данных Terrorism Knowledge Base. National Memorial Institute for the Prevention of Terrorism (MIPT). – Oklahoma, 2005. <http://www.tkb.org> (далее везде: MIPT Terrorism Knowledge Base). Все данные относятся только к периоду с 1998 г. включительно, так как только для периода начиная с 1998 г. база данных содержит информацию как о международных, так и о «внутренних» терактах.

² Там же.

³ Подробнее об этих тенденциях см.: Степанова Е.А. Противодействие финансированию терроризма. *Международные Процессы*. 2005. Т. 3. № 2 (8). Май – август. С. 66–73.

⁴ Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005. – London: The Stationary Office, 11 May 2006. P. 30 (далее везде: Official Account of the Bombings in London).

⁵ Intelligence and Security Committee Report into the London Terrorist Attacks on 7 July 2005 / Cm6785. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty, May 2006. – L.: The Stationary Office, 2006. P. 17–18. Навысшие 4 уровня террористической угрозы варьируются от «значительного» до «критического».

⁶ Ibid. P. 8–9.

⁷ Ibid. P. 13.

⁸ Ibid. P. 11; Official Account of the Bombings in London. P. 4, 23.

⁹ Official Account of the Bombings in London. P. 4–5.

¹⁰ Ibid. P. 23.

¹¹ Ibid. P. 13, 16–17 etc.

¹² Ibid. P. 14–16.

¹³ Ibid. P. 18.

¹⁴ Цит. по: Ibid. P. 19.

¹⁵ Ibid. P. 31.

¹⁶ Испанские власти также не нашли доказательств того, что между группой, взорвавшей поезда на станции Аточа в Мадриде в марте 2004 г., и руководством *Аль-Каиды* существует какая-либо организационная связь. См., например: Первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденной резолюцией 1526 (2004) по организации *Аль-Каида* и движению *Талибан* и связанным с ними лицам и организациям. Документ ООН S/2004/679, 25 авг. 2004. Нью-Йорк, 2004. С. 8.

¹⁷ Подробнее об организационной специфике современного терроризма см.: Степанова Е.А. Организационные формы глобального джихада. *Международные Процессы*. 2006. № 1 (10). Январь–апрель. <http://www.intertrends.ru/tenth/008.htm>.

¹⁸ Например, как и в случае с лондонскими терактами, взрывы в марокканской Касабланке в мае 2003 г. были совершены джихадистами, в буквальном смысле слова «выросшими на одной улице». По данным американского психолога М. Сэйджмана, обобщившего информацию об активных участниках джихадистского движения, «дружеские связи» сыграли важную роль для вступления в джихад для 68% джихадистов (причем большинство из них вступили в джихад не поодиночке, а уже в составе группы «друзей-единомышленников»). Sageman M. *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

¹⁹ Official Account of the Bombings in London. P. 29.

²⁰ Из двух десятков арестованных по этому делу, имена которых были официально опубликованы, все мусульмане-британцы возраста чуть старше 20 лет (лишь одному за 30) – студенты, работники сферы обслуживания и медучреждений, предприниматели и т. д. См., например: “Air Plot” Suspects: Names Released. BBC News, 11 Aug. 2006; Financial Sanctions: Terrorist Financing. Bank of England Press Release, 24 Aug. 2006 <http://www.bankofengland.co.uk/publications/news/2006/082.htm>; CPS Authorises Charges in Alleged Aircraft Terror Plot. Crown Prosecution Service Press Release, 21 Aug. 2006 http://www.cps.gov.uk/news/pressreleases/149_06.html etc.

²¹ Подробнее см.: Stepanova E. The Challenge of Terrorism in Post-Saddam Iraq: A View from Russia. Program on New Approaches to Russian Security (PONARS) Policy Memo No. 325. Wash. D.C.: Center for Strategic and International Studies (CSIS), April 2004. http://www.csis.org/media/csis/pubs/pm_0325.pdf

²² Несмотря на то, что США не удалось заручиться мандатом ООН на военную интервенцию в Ираке, ООН отнюдь не пользовалась популярностью среди иракцев из-за ее роли в эмбарго против Ирака в 1990-е гг.

²³ За первые полгода оккупации исламисты не взяли на себя ответственность ни за одну крупную акцию сопротивления.

²⁴ По данным председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала Р. Майерса. Цит. по: *Iraqi Insurgency Undiminished*. BBC. 2005, April, 27.

²⁵ Особенно учитывая пассивное неприятие значительной частью населения таких методов, как атаки смертников, направленные против иракцев, стоящих в длинных очередях в попытке получить хоть какую-нибудь работу (в том числе в новых структурах безопасности) или участвовавшие неизбирательные взрывы в общественных местах.

²⁶ *In Their Own Words: Reading the Iraqi Insurgency*. International Crisis Group (ICG) Middle East Report № 50, 15 February 2006. Amman; Brussels, 2006. P. 1.

²⁷ *Country Reports on Terrorism – 2005*. Washington D.C.: U.S. State Dep. Office on Counter-terrorism, 2006. P. 131. По правительственным данным, общая численность повстанцев в Ираке может достигать 20 тыс. В известном докладе двухпартийной Iraq Study Group численность иностранных джихардистов в Ираке оценивается в 1300 человек (см.: *The Iraq Study Group Report*. Washington D.C., 2006. P. 10. http://www.bakerinstitute.org/Pubs/iraqstudygroup_findings.pdf

²⁸ Conetta C. *Vicious Circle: The Dynamics of Occupation and Resistance in Iraq*. Project on Defense Alternatives Research Monograph №1. Cambridge (Mass.), 18 May 2005. <http://www.comw.org/pda/0505rm10.html>

²⁹ Например, «Организация Аль-Каиды в Месопотамии» больше специализируется на атаках смертников против американских сил и объектов, а «Джейш ансар аль-сунна» – на нападениях на иракские силы безопасности.

³⁰ *Country Reports on Terrorism – 2005*. P. 130.

³¹ *In Their Own Words: Reading the Iraqi Insurgency*. P. ii, 14.

³² *Country Report on Terrorism – 2004*. Wash. D.C.: U.S. State Dep. Office on Counter-terrorism, 2006. P. 61.

³³ По официальным данным ливанских властей, на конец августа 2006 г. в результате военной операции Израиля против Ливана с 12 июля по 14 августа погибли 1287 ливанцев, в основном мирных жителей, и более 4 тыс. получили ранения. Из 157 убитых израильтян 118 – военнослужащие. Цит. по: *Росбизнессалтинг*. 2006, 20 августа.

³⁴ Так, например, хотя иранские аятоллы пользуются большим авторитетом у «Хизбаллы», на практике еще не было случая, чтобы духовный лидер Ирана Али Хаменеи изменил или настоял на отмене какого-либо решения Консультативного совета по принятию решений – высшего политического органа «Хизбаллы», генеральным секретарем которого с 1992 г. является шейх Хасан Насрулла.

³⁵ С таким же успехом можно было бы утверждать, что Израиль действует напрямую и исключительно под диктовку со стороны Вашингтона.

³⁶ Текст Устава «Хамас» в английском переводе доступен на сайте проекта «Авалон» юридического факультета Йельского университета (США): *Covenant of the Islamic Resistance Movement*, 18 Aug. 1988. – Article 5: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/hamas.htm>

³⁷ Как, впрочем, и *безвольным* объектом полного контроля и безграничной манипуляции со стороны тех или иных региональных держав.